

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

13 марта 2020 года

В возрасте шести лет я нарисовала уголок неба. Мой отец работал реставратором и был одним из немногих, кто восстанавливал роспись плафона главного вестибюля вокзала Гранд-Сентрал в Нью-Йорке, — аквамариновое небо, усеянное мерцающими созвездиями. Было уже поздно, мне давно пора было спать, но отец отвез меня на свою работу, потому что мамы, как обычно, не было дома.

Он помог мне осторожно взобраться на строительные леса. Я наблюдала, как он работает над расчищенным участком бирюзовой краски. Я разглядывала скопление звезд Млечного Пути, золотые крылья Пегаса, поднятый меч Ориона, изогнутую бечевку, связывающую Рыб. По словам отца, плафон был расписан в 1913 году. Однако протечки на крыше повредили слой штукатурки, и в 1944 году рисунок был перенесен на панели, которые затем прикрепили к сводчатому потолку. Изначально в ходе реставрации планировали удалить панельные доски, но в них содержался асбест, и поэтому реставраторы не стали их снимать, а вместо этого принялись ватными тампонами с чистящим раствором удалять десятилетия загрязнений с красочного слоя.

Им удалось обнаружить историю. Среди созвездий были спрятаны подписи, шутки, понятные только работавшим над плафоном художникам, и различные пометы. А еще даты свадеб и день окончания Второй мировой войны. Имена солдат. Недалеко от созвездия Близнецов они нашли запись о рождении двойни.

Художники, расписывавшие потолок в начале прошлого века, допустили ошибку: карта созвездий вышла перевернутой, если сравнить ее с реальными звездами в ночном небе. Однако, вместо того чтобы исправить неточность, мой отец, казалось, лишь намеренно выпячивал это несовершенство изначального рисунка. В ту ночь он работал над небольшим кусочком небесного пространства, обновляя слой позолоты на звездах. Прежде всего он нанес на маленькие желтые точки специальный клей. Затем покрыл их сусальным золотом, легким, как дыхание, и повернулся ко мне.

— Диана, — позвал отец и протянул мне руку.

Я взобралась на площадку, где он работал, и встала впереди него, оказавшись под защитой его тела.

Он дал мне кисточку, чтобы с ее помощью убрать излишки золота и закрепить оставшееся на месте, покрытом клеем. Он показал, как осторожно вдавить золото в поверхность большим пальцем, чтобы галактика, которую он создал, точно никуда не делась.

Завершив все работы, реставраторы намеренно оставили нетронутым небольшое темное пятно в северо-западном углу потолка вокзала Гранд-Сентрал, где бледно-голубое небо соприкасалось с мраморной стеной. Этот кусочек размером всего девять на пять дюймов, по словам моего отца, должен был послужить историкам источником сведений об оригинальном ри-

сунке. Единственный способ определить, как далеко вы продвинулись, — это знать, с чего вы начали.

Каждый раз, бывая на Гранд-Сентрал, я вспоминаю о своем отце. О том, как мы, держась за руки, покинули это место той ночью. Из-за частичек сусального золота наши ладони мерцали, словно мы украли звезды.

Сегодня пятница, тринадцатое, так что мне следует быть начеку. Добраться от аукционного дома «Сотбис» в Верхнем Ист-Сайде до отеля «Ансония» в Верхнем Вест-Сайде можно лишь единственным способом: поездом маршрута Q доехать до Таймс-сквер, а затем пересесть на поезд маршрута 4, идущий на север города. Таким образом, мне нужно проехать чуть вперед, а потом вернуться назад, прежде чем начать двигаться в правильном направлении.

Ненавижу возвращаться назад!

Как правило, чтобы добраться от «Сотбиса» до «Ансонии», я иду пешком через Центральный парк, но сегодня на мне новые туфли, которые страшно натирают пятку, туфли, которые я бы никогда не надела, если бы знала, что меня вызовет к себе Китоми Ито. Итак, я спускаюсь в метро. Однако вокруг творится что-то странное, и я не сразу понимаю, что именно меня смущает.

Слишком тихо. Обычно мне приходится пробиваться сквозь толпу туристов, которые слушают какого-то певца-попрошайку или скрипичный квартет. Но сегодня в вестибюле метро никого нет.

Прошлым вечером бродвейские театры отменили все спектакли на месяц вперед, после того как тест на ковид одного из билетеров дал положительный результат.

— Они просто перестраховываются, — заверил меня Финн.

В любом случае в Пресвитерианской больнице Нью-Йорка, где он работает, не зафиксировано такой вспышки заболеваемости коронавирусом, как в штате Вашингтон, в Италии или Франции. В городе выявлено всего девятнадцать заболевших, сообщил мне Финн вчера вечером за просмотром новостей, когда я поинтересовалась, не стоит ли уже начать паниковать.

— Чаше мой руки и пореже трогай ими свое лицо, — сказал он. — Все будет хорошо.

В метро в Верхнем Вест-Сайде тоже почти пусто. Я выхожу на «Семьдесят второй улице» и, поднявшись на поверхность, начинаю моргать, словно крот. Я иду типичным для ньюйоркца быстрым шагом. «Ансония» возвышается передо мной во всей своей красе, словно разъяренный джинн, вызывающе выставляя свой изящный подбородок, выполненный в стиле бозар, прямо в небо. На мгновение я застываю на тротуаре, глядя на его мансардную крышу, лениво раскинувшуюся от Семьдесят третьей до Семьдесят четвертой улицы. На первом этаже располагаются магазины «Норт фэйс» и «Американ аппаратель», однако столь претенциозным здание стало только сейчас. Китоми говорила мне, что в семидесятых, когда они с Сэмом Прайдом переехали в Нью-Йорк, здесь обитали сплошь экстрасенсы и медиумы, а в подвале размещался свинг-клуб с комнатой для оргий, бесплатной выпивкой и едой.

— Мы с Сэмом, — заверила она меня, — ходили туда минимум раз в неделю.

Я еще не родилась, когда Сэм вместе со своим соавтором Уильямом Пунтом и двумя однокашниками

из английского городка Слау создали группу «Козодои». Меня все еще не было на свете, когда их первый альбом в течение тридцати недель не покидал чарты Билборд, а также когда их маленький британский квартет выступил в Шоу Эда Салливана и молодые американки с криками бросились врассыпную. Меня не было, и когда десять лет спустя Сэм женился на Китоми Ито, и когда группа распалась — через несколько месяцев после выхода их последнего альбома, на обложке которого были изображены обнаженные Китоми и Сэм, словно герои картины, висевшей над их кроватью. Я еще не родилась, когда три года спустя Сэма убили прямо на ступеньках этого самого здания — какой-то псих перерезал ему горло, узнав в нем человека с обложки, ставшей к тому времени культовой.

И хотя меня не было на свете, когда все это случилось, тем не менее, как и все на этой планете, я в курсе произошедшего.

Швейцар «Ансонии» вежливо улыбается мне; консьержка за столом поднимает на меня глаза.

— Я пришла к Китоми Ито, — холодно говорю я, протягивая ей свои водительские права.

— Она вас ждет, — слышу я в ответ. — Этаж...

— Восемнадцатый. Я знаю.

В отеле «Ансония» останавливалось множество знаменитостей — Бейб Рут, Теодор Драйзер, Артуро Тосканини, Натали Портман, — но, возможно, Китоми и Сэм Прайд — самые знаменитые ее постояльцы. Если бы моего мужа убили на крыльце этого дома, я, возможно, не осталась бы здесь жить еще тридцать лет, но то всего лишь я. Однако теперь Китоми наконец-то решила съехать, вот почему у самой печально известной рок-вдовы в мире есть мой номер телефона.

— Что у меня за жизнь! — думаю я, прислонясь к задней стенке лифта.

Когда в юности у меня спрашивали, чем я хочу заниматься, когда вырасту, мой ответ был продуманным до мелочей. Я планировала уверенно двигаться вверх по карьерной лестнице, выйти замуж до тридцати и к тридцати пяти годам завести детей. Я мечтала свободно говорить по-французски и пересечь страну по шоссе 66¹. Отец рассмеялся, когда я озвучила ему все эти пункты.

— Ты вся в мать, — сказал он мне тогда.

Я не сочла это за комплимент.

Хотя, для протокола, я, вообще-то, нахожусь на верном пути. Я работаю младшим специалистом в «Сотбисе» — самом «Сотбисе»! — и Ева, мой босс, всеми возможными способами дала мне понять, что после аукциона картины Китоми меня, скорее всего, повысят. Я пока еще не получила предложения руки и сердца, но когда в прошлые выходные у меня закончились чистые носки и я пошла взять пару Финна, то в глубине его ящика с нижним бельем обнаружила кольцо. Завтра мы уезжаем в отпуск, и Финн наверняка собирается задать мне тот самый вопрос именно там. Я просто уверена в этом, а потому сегодня вместо обеда побежала делать маникюр.

К тому же мне только двадцать девять.

Дверь лифта открывается прямо в прихожую пентхауса Китоми, выложенную черно-белой мраморной

¹ *Шоссе 66* (американцы нередко также называют его «главной улицей Америки», или «матерью дорог») — одно из первых шоссе в системе нумерованных автомагистралей США, открыто 11 ноября 1926 г. Изначально начиналось в штате Иллинойс, а заканчивалось в штате Калифорния, протянувшись вдоль всей страны на почти 4000 км. В массовой культуре получило известность в 1950–1960-е гг. благодаря песням и телесериалам.

плиткой и похожую на гигантскую шахматную доску. Хозяйка дома появляется в джинсах, армейских сапогах и розовом шелковом халате. Ее лицо обрамляет копна седых волос, переносицу украшают фиолетовые очки в оправе в форме сердечек, ее визитная карточка. Она всегда напоминала мне птичку семейства крапивниковых, маленькую и костлявую. Я не могу перестать думать о том, что черные волосы Китоми стали седыми в ту ночь, когда убили Сэма. Она была вне себя от горя. Я также думаю о тех фотографиях, где она запечатлена стоящей на тротуаре и глотающей ртом воздух.

— Диана! — обращается она ко мне, будто мы старые друзья.

Возникает неловкий момент, когда я инстинктивно протягиваю руку в приветствии, и лишь затем вспоминаю, что больше мы так не делаем. Вместо этого я неловко машу рукой:

— Здравствуйте, Китоми.

— Я так рада, что ты смогла прийти.

— Без проблем. Большинство менеджеров по продажам лично контролируют процесс передачи бумаг своим клиентам.

За ее плечом, в конце длинного коридора, я замечаю картину Тулуз-Лотрека, которая и является причиной моего знакомства с Китоми Ито. Она следит за моим взглядом, и ее губы растягиваются в улыбке.

— Ничего не могу с собой поделать, — оправдываюсь я. — От этого вида невозможно устать.

Странное выражение мелькает на лице Китоми.

— Тогда предлагаю тебе рассмотреть его получше, — отвечает она и ведет меня вглубь квартиры.

С 1892 по 1895 год Анри де Тулуз-Лотрек жил в борделе и рисовал проституток, в том числе лежа-

щих вместе в одной постели, чем шокировал всех импрессионистов. «В постели» — одна из самых известных работ в этой серии — хранится в музее Орсе. Остальные были раскуплены частными коллекционерами за десять-двенадцать миллионов долларов. Картина в доме Китоми явно относится к той же серии, но при этом сильно отличается от прочих работ.

На ней изображены не две женщины, а женщина и мужчина. Обнаженная женщина сидит, прислонившись к изголовью кровати. Ее тело до талии прикрыто простыней. За изголовьем кровати находится зеркало, в котором видно отражение второго героя картины — самого Тулуз-Лотрека. Он тоже обнажен, сидит в изножье кровати, спиной к зрителю, и так же пристально смотрит на женщину, как она на него. На коленях мужчины лежит скомканная простыня. Сцена выглядит интимной и вуайеристичной, личной и одновременно словно выставленной напоказ.

На обложке последнего альбома «Козодоев», «The Twelfth of Never»¹, была изображена Китоми с обнаженной грудью, прислонившаяся к изголовью кровати. Она пристально смотрела на Сэма, чья широкая спина закрывала нижнюю треть всей картины. Над кроватью, ровно на том месте, где в оригинале находилось зеркало, висела картина, сюжет которой воспроизводили супруги.

Эту обложку знают все. Как и то, что Сэм выкупил работу Тулуз-Лотрека из частной коллекции и преподнес ее Китоми в качестве свадебного подарка.

¹ «Двенадцатого Никогда» — популярная песня, записанная Джоэни Мэтисом в 1957 г. Название песни отсылает к устойчивому выражению, означающему дату события, которое никогда не наступит. В данном случае имеется в виду, что автор песни никогда не перестанет любить свою возлюбленную.

Но лишь немногие знают, что сейчас она продает свой подарок на уникальном аукционе «Сотбис» и что именно я закрыла эту сделку.

— Ты все еще планируешь отправиться в отпуск? — спрашивает Китоми, прерывая мои размышления.

Я говорила ей о нашей поездке? Что ж, вполне может быть. Но я не в состоянии отыскать хотя бы одну логическую причину, по которой ее должно это волновать.

Откашлявшись (мне платят не за то, чтобы пялилась на искусство, а за то, чтобы продавала его), я наклеиваю на лицо улыбку.

— Всего на две недели, и сразу по возвращении мы начнем подготовку к вашему аукциону.

У меня странная работа — мне приходится убеждать клиентов расстаться со своим любимым произведением искусства, а это значит осторожно балансировать, словно в танце, между хвалебными одами шедевру и клиентам, заверяя их в правильности принятого ими решения выставить его на продажу.

— Если у вас есть какие-либо опасения по поводу передачи картины в наш офис, то уверяю, переживать не стоит. Обещаю, что лично прослежу за упаковкой и встречу вашу картину в пункте назначения. — Я оглядываюсь на холст. — Мы найдем ему идеальный дом. — Я произношу эти слова, словно даю клятву. — Что ж, вернемся к оформлению бумаг?

Китоми смотрит в окно, затем поворачивается ко мне:

— Да, кстати, насчет них.

— Что значит «она не хочет продавать»? — Ева смотрит на меня поверх своих знаменитых очков в роговой оправе.

Ева Сент-Клерк — мой босс, мой наставник и настоящая легенда. Она руководит отделом «Имп-мод», занимающимся продажей работ импрессионистов и произведений современного искусства. Она та, кем я хотела бы стать к сорока годам, и до этого момента мне очень нравилось ходить у своего учителя в любимчиках и быть надежно укрытой крылом его опыта.

— Я так и знала. Кто-то из «Кристис» добрался до нее, — прищурившись, изрекает Ева.

В прошлом Китоми продавала принадлежавшие ей произведения искусства через «Кристис», главного конкурента «Сотбиса». Справедливости ради стоит заметить, что все мы были уверены: именно через них она продаст и Тулуз-Лотрека... пока я не сделала кое-что такое, чего не следовало бы делать младшему специалисту, и не убедила ее в обратном.

— «Кристис» тут ни при...

— «Филлипс»? — спрашивает Ева, приподнимая брови.

— Нет. Ничего такого. Она просто хочет взять тайм-аут, — уточняю я. — Она переживает из-за вируса.

— В смысле? — ошеломленно спрашивает Ева. — Картина вряд ли сможет им заразиться.

— Нет, а вот участники аукциона — запросто.

— Что ж, я уговорю ее слезть с этого подоконника и не прыгать из окна, — говорит Ева. — Ради всего святого, свою заинтересованность в покупке уже подтвердила чета Клуни, Бейонсе и Джей-Зи.

— Китоми также переживает из-за обвала фондового рынка. Она уверена, что ситуация ухудшается, и притом стремительно. Вот почему она хочет немного переждать... Как говорится, береженого Бог бережет.

Ева потирает виски:

— Ты же в курсе, что мы уже слили информацию об этой продаже. «Нью-Йоркер» практически опубликовал об этом статью.

— Ей просто нужно чуть больше времени, — отвечаю я.

Ева отводит взгляд, разговор для нее уже закончен.

— Можешь идти, — велит мне она.

Я выхожу из ее кабинета и попадаю в лабиринт коридоров, заставленный полками с книгами, по которым я изучала историю искусств. Я работаю в «Сотбисе» шесть с половиной лет — семь, если считать стажировку, которую проходила во время учебы в Уильямс-колледже. Сразу после окончания колледжа я поступила в их магистратуру на программу «Арт-бизнес». Я начинала аспирантом, затем стала младшим каталогизатором в отделе импрессионистов. Моя работа заключалась в том, чтобы провести предварительную проверку поступающих к нам картин. Я изучала, над чем еще, помимо указанного произведения, художник работал примерно в то же время и за сколько продавались подобные работы, иногда делала черновик описания для каталога. Хотя сегодня весь остальной мир уже давно перешел на цифровой формат, мир искусства по-прежнему выпускает аналоговые каталоги, красивые, блестящие, очень подробные и чрезвычайно важные. Теперь же, став младшим специалистом, я выполняю различные поручения Евы: посещаю произведения искусства, что называется, на дому и отмечаю их изъяны, точно так же, как вы изучаете арендованный автомобиль на предмет вмятин, прежде чем подписать договор аренды; слежу за упаковкой картины и сопровождаю ее на пути из родного дома в наш офис; иногда составляю ком-

панию своему боссу на встречах с потенциальными клиентами.

Внезапно из двери, мимо которой я прохожу, появляется чья-то рука, хватая меня за плечо и увлекает за собой в кладовку.

— Господи! — выдыхаю я, чуть не падая на Родни, моего лучшего друга здесь, в «Сотбисе». Как и я, он начинал стажером. Однако, в отличие от меня, Родни продолжил свою карьеру не в отделе продаж. Теперь он проектирует и помогает создавать помещения, где произведения искусства выставляются перед началом торгов.

— Это правда? — спрашивает Родни. — Ты упустила картину «Козодоев»?

— Во-первых, это не картина «Козодоев». Она принадлежит Китоми Ито. А во-вторых, как, черт возьми, ты узнал об этом так быстро?!

— Слухи, дорогуша, — то, на чем держится вся наша индустрия, — парирует Родни. — Они распространяются по этим коридорам быстрее, чем грипп. — Он секунду колеблется, а затем продолжает: — Ну или, если хочешь, коронавирусу.

— И вовсе я не упустила, — я делаю акцент на последнем слове, — Тулуз-Лотрека. Китоми просто хочет, чтобы сначала все немного утряслось.

Родни складывает руки на груди:

— Думаешь, это произойдет в ближайшее время? Между прочим, вчера мэр объявил чрезвычайное положение.

— Финн сказал, что в городе всего девятнадцать случаев заражения.

Родни смотрит на меня так, словно я только что призналась, будто все еще верю в Санту: со смесью недоверия и жалости.

— Я одолжу тебе один из своих рулонов туалетной бумаги, — заверяет меня он.

И тут я замечаю за его спиной нанесенные на стену шесть различных оттенков золотой краски.

— Какой тебе больше нравится? — проследив за моим взглядом, интересуется Родни.

Я указываю на полосу краски посередине странной композиции.

— Что, правда? — прищурившись, уточняет он.

— Подо что ты собираешься покрасить стены в золотой?

— Под предаукционную выставку средневековых рукописей.

— Тогда вот этот. — Я киваю на полосу рядом с той, на которую указала чуть ранее. Они ничем не отличаются друг от друга. — Сходишь со мной в «Святого Амвросия»? — умоляю я.

Это кафе на верхнем этаже нашего здания, где подают сэндвич с прошутто и моцареллой, который может стереть из моей памяти выражение лица Евы.

— Не могу. Сегодня у меня на ланч попкорн.

В комнате отдыха есть бесплатный попкорн и микроволновка, и в самые горячие деньки это и есть наш ланч.

— Родни, мне конец, — слышу я собственный голос.

Он берет меня за плечи, разворачивает кругом и подводит к зеркальной панели на противоположной стене, оставшейся от предыдущей выставки.

— Что ты видишь? — спрашивает он.

Я смотрю на свои волосы, которые всегда казались мне слишком рыжими, всматриваюсь в собственные голубые глаза со стальным отливом. Помада на губах стерлась. Цвет кожи вполне можно назвать

по-зимнему призрачно-белым. На воротнике своей блузки я замечаю странное пятно.

— Я вижу в отражении того, кто может навсегда распрощаться со своим повышением.

— Забавно, — говорит Родни, — потому что я вижу того, кто завтра уезжает в отпуск и кому должно быть абсолютно насрать на Китоми Ито, Еву Сент-Клерк или «Сотбис». Подумай об экзотических коктейлях и тропическом рае, а также о том, чтобы поиграть в доктора со своим парнем...

— Настоящие врачи в подобные игры не играют...

— ...и понырять с аквалангом в компании ядовитых ящериц...

— Морских игуан.

— Не важно. — Родни сжимает мои плечи и встречается со мной взглядом в зеркале. — Диана, когда через две недели ты вернешься, все уже забудут об этом и переключатся на очередной скандал. — Он ухмыляется мне. — А теперь иди и купи себе крем от загара с солнцезащитным фактором не меньше пятидесяти и вали отсюда.

Я смеюсь, а Родни тем временем берет валик с краской и начинает плавно закрашивать все золотые полосы тем оттенком, который я выбрала. Как-то раз он заметил, что стены аукционного дома покрывает целый фут краски, потому что их постоянно перекрашивают.

Закрывая за собой дверь, я задаюсь вопросом: какого цвета была комната изначально и помнит ли это хоть кто-нибудь вообще!

Чтобы добраться до Гастингса-на-Гудзоне, небольшой деревеньки к северу от Нью-Йорка, надо на вокзале Гранд-Сентрал сесть в пригородный поезд в на-

правлении Метро-Север. Итак, во второй раз за сегодняшний день я направляюсь в мидтаун.

Однако теперь я решаю чуть подольше задержаться в главном вестибюле вокзала и располагаюсь прямо под кусочком неба, который расписывала вместе с отцом. Мой взгляд путешествует по перевернутой карте зодиакальных созвездий и веснушкам звезд, сияющих на сводчатом потолке. Запрокинув голову, я впиваюсь в него взглядом, пока голова не начинает кружиться, пока я почти не слышу вновь голос отца.

С момента его смерти прошло уже четыре года, и единственный способ, который помогает мне набраться смелости для визита к моей матери, — это сначала приехать сюда, как будто память об отце повышает мой иммунитет.

Я не совсем понимаю, зачем именно еду к ней. Не то чтобы она просила меня приехать. И не то чтобы я навещаю ее регулярно. На самом деле, я не была у нее уже три месяца.

Быть может, именно потому я и еду?

«Гринс» — это дом престарелых, до которого можно дойти пешком от железнодорожного вокзала Гастингса-на-Гудзоне, вот почему я и выбрала именно его, когда моя мать появилась из ниоткуда после стольких лет радиомолчания. Естественно, она не пылала ко мне материнскими чувствами. Она была проблемой, которую следовало решить.

Здание дома престарелых построено из кирпича и отлично вписывается в окружающую обстановку. Все вместе выглядит так, будто сюда переместили кусочек Новой Англии. Вдоль улицы посажены деревья, а по соседству с домом престарелых находится библиотека. Вокруг входной двери бульжниками выложен узор из концентрических полукругов. Только

когда после звонка вам откроют дверь и вы попадете в выкрашенные разноцветной краской коридоры и заметите фотографии на дверях, то поймете, что перед вами Центр по уходу за больными деменцией.

Я записываю свое имя в журнале посетителей и прохожу мимо женщины, бредущей в светлую комнату арт-терапии, в которой полно самых разных красок, глины и поделок. Насколько я знаю, моя мать никогда не занималась ничем подобным.

Здесь делают все возможное, чтобы облегчить жизнь несчастным больным. Дверные проемы для постояльцев имеют ярко-желтые рамки, которые они не могут не заметить; вход же в помещения для персонала и подсобки сливается по цвету с окружающими стенами, спрятан за нарисованными книжными полками или растениями в кадках. Поскольку все двери в жилые комнаты выглядят одинаково, на каждой есть большая фотография, обладающая особым значением для того или иного постояльца: член семьи, какое-то памятное место, любимый питомец. На двери, ведущей в комнату моей матери, висит одна из самых известных ее фотографий: бежавший с Кубы на плоту человек несет на руках обмякшее в результате обезвоживания тело сына. Фотография несколько гротескная и мрачная, от нее веет болью и страданиями. Иными словами, это одна из тех фотографий, что сделала Ханну О'Тул знаменитой.

Чтобы попасть в жилой блок, необходимо ввести специальный код. Устройство для ввода кода внутри жилого блока всегда окружено небольшим отрядом зомби-постояльцев, пытающихся заглянуть вам через плечо, чтобы узнать код и, по-видимому, открыть себе путь к свободе. Сами комнаты обитателей дома престарелых не заперты. Я захожу в комнату своей мате-

ри. Тут чисто и не захламлено. Телевизор включен — он работает без перерыва, — по нему показывают какое-то игровое шоу. Мама сидит на диване, сложив руки на коленях, словно в ожидании приглашения на котильон.

Она моложе большинства здешних обитателей. В ее черных волосах есть седая прядь, но она была у мамы, сколько я себя помню. На самом деле мама не сильно изменилась со времен моего детства, если не считать ее неподвижности. Мама всегда была в движении — разговаривала, оживленно жестикулируя руками, поворачивалась лицом к тому, кто задавал следующий вопрос, настраивала объектив фотоаппарата, неслась прочь от нас с отцом на другой конец земного шара, чтобы запечатлеть очередную революцию или стихийное бедствие.

За спиной матери видна крытая веранда — собственно, именно поэтому мой выбор пал на «Гринс». Ведь наверняка тот, кто большую часть своей жизни провел на открытом воздухе, возненавидел бы заключение в четырех стенах. С веранды нельзя попасть на улицу, однако можно смотреть на окрестности. Конечно, вид с нее так себе: полоска газона да парковка, но все лучше, чем ничего.

Держать здесь мать стоит до хрена денег. Когда она появилась на пороге моего дома в компании двоих полицейских, которые обнаружили ее слоняющейся в одном халате по Центральному парку, я оторопела, поскольку даже не подозревала, что мама вернулась в город. Стражи порядка нашли мой адрес в ее бумажнике — он был написан на кусочке старого конверта от рождественской открытки.

— Мэм, знаете ли вы эту женщину? — спросил меня один из полицейских.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	291
Эпилог	460
От автора	468
Благодарности	474